

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Автобіографія Джона Стюарта Милля. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Спб. 1874.

Эта книга составляетъ не столько автобіографію, сколько пространное предисловіе ко всѣмъ сочиненіямъ Милля, взятымъ въ совокупности. Тутъ разсказана исторія убѣжденій автора, обстоятельствъ и вліяній, при которыхъ написана каждая книга. Но все это разсказано отвлеченно, такъ, какъ обыкновенно дѣлается въ ученыхъ предисловіяхъ, гдѣ авторъ ни высказываетъ своихъ настоящихъ, живыхъ чувствъ и побужденій, а является чисто въ видѣ мыслящаго существа, руководимаго одною научною любознательностью, однимъ теоретическимъ интересомъ. Есть однакоже въ автобіографіи Милля нѣкоторыя мѣста вполне живыя, и мы укажемъ на нихъ читателямъ, какъ на то, что намъ показалось всего любопытнѣе. Англичане не всѣ такіе патріоты, какъ мы привыкли думать; и между ними есть вольнодумцы, прогрессивные люди, которые, подобно нашимъ образованнымъ людямъ, смотрятъ на свое отечество съ некоторымъ презрѣніемъ и сожалѣніемъ, завидуютъ другимъ народамъ и берутъ себѣ въ примѣръ другія страны. Настроеніе этого рода замѣтно у Диккенса; Карлейль восхищался Германією, ея королями, философами и поэтами; Милль же во многомъ предпочиталъ своему отечеству Францію.

Въ 1820 году, слѣдовательно когда ему было 14 лѣтъ, онъ цѣлый годъ гостилъ во Франціи и вотъ что онъ потомъ занесъ въ свою автобіографію:

«Величайшую пользу изъ этого пребыванія во Франціи я приобрѣлъ оттого, что впродолженіе цѣлаго года дышалъ *свободной, искренней атмосферой континентальной жизни*. Хотя я въ то время не сознавалъ и

не вполнѣ оцѣнивалъ эту пользу, но тѣмъ не менѣе она была очень значительна. Зная такъ мало англійскую жизнь и приходя въ столкновеніе до сихъ поръ лишь съ немногими людьми, которые большею частію стремились не къ личнымъ, а къ великимъ общественнымъ цѣлямъ (здѣсь Милль разумѣетъ своего отца, Рикардо, Бентама и подобныхъ людей, среди которыхъ выросъ), я не возвращался на *низкомъ нравственномъ уровнѣ* того, что называется въ Англійи *обществомъ*, не вѣдалъ привычки англичанъ *подразумѣвать въ дѣйствіяхъ* *каждаго лица непремѣнно мелкія, низкія побужденія*, и отсутствія въ этомъ обществѣ возвышенныхъ чувствъ, что обнаруживается *презрительнымъ осужденіемъ проявленія подобныхъ чувствъ и общей сдержанностію* (за исключеніемъ нѣкоторыхъ религіозныхъ сектъ) отъ заявленія какихъ бы то ни было высокихъ правилъ въ жизни, кромѣ тѣхъ торжественныхъ случаевъ, когда подобное заявленіе составляетъ необходимую принадлежность требуемыхъ этикетомъ формальностей и мундира. Я не зналъ тогда и не могъ оцѣнить различія между подобнаго рода существованіемъ и жизнью такого народа, какъ французскій, недостатки котораго, при всей ихъ очевидности, совершенно инаго характера. Во Франціи чувства, которыя можно назвать, по крайней мѣрѣ по сравненію, *возвышенными*, составляютъ *мелкую ходячую монету* какъ въ книжкахъ, такъ и въ частной жизни. Если иногда эти чувства улетучиваются въ громкихъ фразахъ, все же они *живутъ въ массѣ націи* благодаря постоянному употребленію и питаемому къ нимъ уваженію, такъ что они составляютъ живой, дѣятельный элементъ существованія громадной массы людей и понятны всѣмъ и признаны всѣми. Точно также я не могъ тогда оцѣнить общаго развитія ума, происходящаго отъ постоянного вліянія возвышенныхъ чувствъ и замѣчаемаго въ самыхъ необразованныхъ классахъ нѣкоторыхъ континентальныхъ странъ, тогда какъ *подобнаго умственнаго развитія нельзя встрѣтить въ Англійи* даже въ такъ называемомъ образованномъ обществѣ, за исключеніемъ рѣдкихъ людей, которые, благодаря очень чувствительной совѣсти, постоянно напрягаютъ свой умъ къ разрѣшенію вопросовъ о добрѣ и злѣ, справедливомъ и несправедливомъ. Я не зналъ, что у большинства

англичанъ чувства и умственныя способности потому именно остаются неразвитыми или развиваются односторонне и ограниченно, что *они не интересуются всѣмъ, не касающимся ихъ личного интереса*, за исключеніемъ очень рѣдкихъ спеціальныхъ случаевъ, и не только не говорятъ другимъ, но и не размышляютъ много сами о томъ, что дѣйствительно ихъ интересуесть; вслѣдствіе этого они, какъ умственныя существа, ведутъ какую-то отрицательную жизнь. Все это я понялъ гораздо позже, но и тогда чувствовалъ, хотя и смутно, разительный контрастъ между откровенной общительностью и добродушной любезностью французской частной жизни и порядками, существующими въ англійскомъ обществѣ, гдѣ каждый дѣйствуетъ такъ, какъ будто всѣ остальные (за очень рѣдкими исключеніями, если такія исключенія бываютъ) — враги или навѣвающіе скуку болваны. Правда, во Франціи дурныя и хорошія черты отдѣльныхъ личностей и національнаго характера *скорѣе обнаруживаются* въ ежедневныхъ столкновеніяхъ, чѣмъ въ Англии, но по общему обычаю, французы выказываютъ дружеское чувство ко всякому и ожидаютъ того же отъ всякаго, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда существуютъ положительныя причины для непріязни. Въ Англии можно сказать тоже лишь въ отношеніи самыхъ образованныхъ людей въ высшихъ классахъ или въ высшемъ слоѣ среднихъ классовъ (стр. 57–60)."

Вотъ характеристика если и не полная, то все-таки очень вѣрная. Въ отношеніи къ англичанамъ она содержитъ черты, которыя нѣсколько напоминаютъ намъ нашъ собственный народный характеръ; у насъ такая же сдержанность, подозрительность, грубость развитія; а вмѣсто *презрительнаго осужденія* чувствъ у насъ насмѣшливость, равняющаяся этому осужденію. Но можетъ быть Милль не совсѣмъ правъ, не видя за этими дурными чертами какихъ нибудь положительныхъ чертъ своего народа; можно предполагать, что, по закону полярности или контраста, въ душѣ англичанъ таятся свойства глубокой чувствительности, сильнаго энтузіазма, тѣ свойства, съ которыми мы знакомы по Шекспиру, Диккенсу и пр. Не даромъ же англійскій народъ обнаруживаетъ такое могущество; оно должно имѣть нравственное основаніе.

Изъ приведенныхъ словъ Милля видно вообще, какъ сильны были его симпатіи къ Франціи. Они отразились и въ его образъ мыслей; французскіе политическіе дѣятели и мыслители, социализмъ, позитивная философія — имѣли на него вліяніе. По складу своего ума онъ не увлекся ничѣмъ до конца, но вошелъ, такъ сказать, въ искусные компромиссы со всѣми этими вліяніями.

Выпишемъ еще одинъ интересный отзывъ Милля объ англійской жизни:

«Свѣтская жизнь въ современной Англіи», говоритъ онъ «до того безцвѣтна и приторна даже для тѣхъ, которые придаютъ ей торжественный характеръ, что ее поддерживаютъ по какой угодно причинѣ, но только не изъ удовольствія. Всякое серьезное обсужденіе вопросовъ, по которымъ существуютъ различныя мнѣнія, считается неприличнымъ, а національный недостатокъ живости и общительности мѣшаетъ развитію искусства пріятно болтать о пустякахъ, въ чемъ достигли такого совершенства французы прошлаго столѣтія; поэтому единственная прелесть того, что называется обществомъ, заключается для людей, еще недостигшихъ верхней ступени общественной лѣстницы, въ надеждѣ найти средство подняться на эту ступеньку; тогда какъ для стоящихъ на верху свѣтская жилнь только привычка и предполагаемое необходимое условіе ихъ положенія. Для всякаго человѣка, одареннаго способностями умственными и нравственными, хоть немного превосходящими *очень низкій современный уровень*, подобное общество должно быть чрезвычайно непривлекательно (стр. 240)».

Такъ обличаетъ Милль свою родину. Въ немъ очевидно сказывалось довольно сильно то чувство недовольства своимъ, которое намъ такъ хорошо знакомо.

Самая живая страница въ автобіографіи Милля, конечно, та, гдѣ онъ рассказываетъ, какъ онъ мучился непонятною тоскою и какъ наконецъ открылъ тайну истиннаго счастья.

«Начиная съ зимы 1821 года», говоритъ онъ, когда я впервые прочелъ Бентама, и особенно съ начала изданія «Вестминстерскаго Обозрѣнія», я имѣлъ цѣль въ жизни — быть реформаторомъ всего міра.

Мое понятіе о личномъ счастьѣ сливалось совершенно съ этой цѣлью. Я не жаждалъ другаго сочувствія, какъ сочувствія моихъ сотрудниковъ въ великомъ дѣлѣ преобразованія челоѳчества. По дорогѣ я не отказывался отъ нѣкоторыхъ удовольствій, но полнымъ, совершеннымъ удовлетвореніемъ моихъ желаній могло быть только стремленіе къ этой цѣли, и я *поздравлялъ себя съ прочнымъ счастіемъ въ жизни, такъ какъ мой идеаль счастья былъ такъ далекъ*, что постоянно можно было подвигаться къ нему, но *никогда его не достигь*. Подобнымъ образомъ я существовалъ нѣсколько лѣтъ и моя жизнь повидимому достаточно была одушевлена сознаниемъ, что на свѣтъ происходятъ постоянныя улучшенія и я участвую въ борьбѣ для достиженія этихъ улучшеній. Но пришло время, когда я какъ бы очнулся отъ сна. Это было осенью 1826 года. Я находился въ мрачномъ настроеніи духа, какъ случается со всякимъ; нервы мои были разстроены и неспособны ощущать никакого удовольствія, — однимъ словомъ, я находился въ такомъ настроеніи, когда все кажется пошлымъ, неприятнымъ и на все смотрится равнодушно; въ такомъ положеніи, я полагаю, находятся методисты, когда ихъ впервые посѣщаетъ внутреннее сознание грѣха. Въ это время мнѣ пришла въ голову мысль предложить себѣ слѣдующій вопросъ: «если всѣ твои цѣли въ жизни осуществляются, еслибъ въ настоящую минуту могли *произойти тѣ перемѣны въ челоѳческихъ учрежденіяхъ и мнѣніяхъ, которыхъ ты добиваешься*, то составило ли бы это для тебя величайшую радость и полное счастье?» Непреодолимый голосъ совѣсти прямо отвѣчалъ: «нѣтъ!» Сердце мое дрогнуло. Я ставилъ все свое счастье въ постоянномъ стремленіи къ одной цѣли; эта цѣль потеряла для меня свою обаятельную силу; *къ чему же было болѣе къ ней стремиться? Къ чему же было долѣе жить?*» (стр. 137–9).

Такое состояніе отчаянія продолжалось шесть мѣсяцевъ. Наконецъ оно стало проходить, и Милль вспоминаетъ, что при излѣченіи отъ отчаянія ему помогали и сильно на него дѣйствовали нѣкоторыя художественныя впечатлѣнія, именно одна трогательная сцена въ мемуарахъ Мармонтеля, музыка Веберовской оперы «Оберонъ», и стихи Вордсворта. Вслѣдствіе этого онъ въ первый разъ понялъ, какое важное значеніе имѣетъ искусство вообще; а вмѣстѣ онъ рѣшилъ для себя

вопросъ, въ чемъ состоитъ и какъ достигается истинное счастье человѣческой жизни.

«Я нисколько не сомнѣвался», пишетъ онъ, «въ правильности своего прежняго убѣжденія, что счастье — *мѣрило всѣхъ жизненныхъ правилъ и цѣль существованія*; но я теперь полагаю, что этой цѣли можно было достигнуть только тогда, *когда она будетъ поставлена на второй планъ*. Тѣ люди только счастливы, думалъ я, которыя ставятъ себѣ цѣлью *въ жизни какой либо другой предметъ*, а не свое собственное счастье, на примѣръ счастье другихъ, усовершенствованіе человѣчества, какое-нибудь искусство или предпріятіе. Такимъ образомъ, стремясь къ чему-либо иному, они находили свое счастье, такъ сказать, на пути. По моей новой теоріи, въ жизни было достаточно наслажденій для приданія ей обаятельной силы, если мы беремъ ихъ en passant, *не придавая имъ значенія главной цѣли нашего существованія*. Придайте имъ такое значеніе — и они тотчасъ окажутся недостаточными и *не выдержатъ строгаго анализа*. Спросите себя, счастливы ли вы, — и вы перестаете быть счастливыми. *Единственная возможность достигнуть счастья заключается въ томъ, чтобы считать не счастье, а что-либо другое цѣлью въ жизни*. На служеніе этой цѣли употребите все свое самосознаніе, всю свою способность къ анализу, и, если другія обстоятельства вашей жизни удачно сложатся, то вы будете счастливы, вдыхая въ себя счастье вмѣстѣ съ воздухомъ, а не думая о немъ, не анализируя его. Эта теорія стала теперь основой моей философіи жизни, и я до сихъ поръ считаю ее лучшей теоріей для всѣхъ, которые обладаютъ умѣренной впечатлительностію и такой же умѣренной способностію къ наслажденію, то-есть для большинства человѣчества (стр. 148–9)».

И такъ передъ нами *лучшая теорія счастья*, — плодъ не однихъ размышленій, но и жизненнаго опыта. Но странно, — эта теорія похожа скорѣе на какую-то загадку, она вся состоитъ изъ противорѣчія, ничѣмъ необъясненнаго. Уже и въ прежнемъ отрывкѣ не могутъ не поразить слова: «я поздравлялъ себя съ прочнымъ счастіемъ въ жизни, такъ какъ никогда *не могъ достигнуть* своего идеала». Милль радовался, что идеаль его очень далекъ! Теперь же онъ признаетъ теорію еще болѣе

поразительную. Счастье, говорит онъ, есть «мѣрило всѣхъ жизненныхъ правилъ и цѣль существованія». Но чтобы достичь его не нужно къ нему стремиться, нужно стремиться къ чему-то другому, а о счастіи не думать. Какъ же это сдѣлать? Вѣдь мы знаемъ, что стремленіе къ счастью есть самое сильное и общее стремленіе всѣхъ живыхъ существъ, и конечно на этомъ основаніи Милль призналъ счастіе за мѣрило и цѣль жизни. И такъ мы должны отказаться от *самого сильнаго и общаго своего стремленія*, то есть мы должны отречься *отъ жизни*, не думать о ея радостяхъ, достичь въ этомъ отношеніи равнодушія и спокойствія. И тогда, какъ объщаетъ намъ Милль, мы по пути, незамѣтно, не думая, вмѣстѣ съ воздухомъ — вдохнемъ въ себя и счастье. Очевидно условіе отреченія отъ жизни есть условіе не выполнимое для большинства. Оно можетъ быть слѣдствіемъ только такого полнаго отчаянія, какое пережилъ Милль въ теченіе полугода; и такъ, кто хочетъ счастья, тотъ долженъ сперва впасть въ совершенную безнадежность и тоску, потомъ получить равнодушіе, и наконецъ, уже не думая о счастіи, чѣмъ нибудь заняться, — все равно чѣмъ, «усовершенствованіемъ челоуѣчества, какимъ-нибудь искусствомъ, или предпріятіемъ». Счастье прійдетъ само собою. Такова лучшая теорія.

Эти противорѣчія, намъ кажется, ясно показываютъ, что Милль не развязалъ узла и не достигъ тѣхъ понятій, которыя хоть сколько нибудь опредѣляютъ назначеніе челоуѣка. Совѣтуя быть равнодушнымъ къ счастію и не думать о немъ, онъ долженъ былъ бы однакоже чувствовать, что есть вещи, которыя выше такъ-называемаго счастья.

Н. Страховъ.